

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ МОДУЛЯЦИИ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В ИРОНИЧНОМ КОНТЕКСТЕ

Ильинова Елена Юрьевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии
Волгоградского государственного университета
ilynov@vistcom.ru, english_philology@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена описанию стилистического эффекта, достигаемого с помощью семантической модуляции значений слов в контексте жанра ироничной антиутопии. Показаны особенности интерпретации ироничных значений ключевых слов, являющихся маркерами глубинного подтекста. Выделены приемы адаптации, делимитизации и трансформации как разновидности семантической модуляции контекстного значения слова.

Ключевые слова: актуализация, ирония, подтекст, семантическая модуляция, семантическая деривация, антиутопия.

Разнообразие приемов и способов описания мира и его оценки словом, представленное в фонде текстовой культуры, относится к числу актуальных тем для дискуссий, поскольку движение лингвистической мысли от формально-структурных к содержательным аспектам слова приводит к выводу об интеграции знаний о зафиксированном в системе языка значении и смысловых трансформациях, обусловленных его актуализацией в определенном контексте. В теории языка вопрос о контекстуальной реализации слов традиционно ставится с целью определения признаков их совместной встречаемости в свободных и устойчивых словосочетаниях, в составе речевых единиц различной сложности, однако проблема влияния контекстуальных условий реализации значений слов на общий смысл текста отдельного жанра остается не до конца решенной.

Изучение особенностей функционирования слова в (кон)тексте имеет длительную историю. В семасиологии, стилистике языка

и текста, когнитивно-дискурсивной лингвистике представлены разные точки зрения на описание механизма изменения структуры значения слова при его актуализации. И.И. Мещанинов писал, что значение слова относительно стабильно, но в момент реализации «семантическая сторона выступающего в предложении слова выявляется в содержании самого слова как лексической единицы. Эта семантическая сторона слова устанавливается носителем речи, им уточняется и изменяется в процессе развития языка. Одно и то же слово может быть использовано в различных контекстах предложений, где оно может приобретать и видоизменение своего значения. Тем самым слово приобретает синтаксическую значимость, которая сочетается с его лексическими свойствами» [9, с. 5]. Некоторые языковые и контекстуальные различия при анализе значения слов видел В.А. Звегинцев, подчеркивая, что «анализ значения... слов, обладающих сложной смысловой структурой, показывает, что без наличия... функциональ-

ного момента слово не получает полной характеристики своей смысловой структуры» [2, с. 233]. И.Р. Гальперин, рассматривая семантические процессы, связанные с информативностью единиц языка, отмечал проявление смыслового потенциала языковой единицы в связанных отрезках текста, объясняя это тем, что знаки языка, в отличие от других знаков, не полностью условны: «Длительное употребление закрепило за ними некоторую долю содержания, и оно оказалось, в конечном итоге, имманентным для этой единицы... каждая единица языка имеет определенное содержание и потенциально несет в себе некоторое количество информации. Объем информации зависит от величины, характера и независимости данной единицы» [1, с. 15].

Для верификации сложно-структурируемого содержания языковой единицы И.Р. Гальперин предложил выделить три аспекта ее информативности: *содержание языковой единицы* (совокупность признаков понятия, выраженного данной единицей, основных и производных, ведущих и второстепенных, постоянных и переменных, закономерно проявляющихся и случайных), *значение языковой единицы* (условное обозначение одного из признаков данного понятия, мотивированное или немотивированное), *информативность языковой единицы* (мера содержания данной единицы в конкретной реализации) [там же, с. 17]. Мы полностью поддерживаем следующие аргументы ученого, подтверждающие необходимость многоаспектного подхода к анализу контекстуального значения слова: «В фактах языка информация выступает лишь в качестве потенциально возможных реализаций всего содержания единицы, причем, при известных условиях, содержание языковой единицы может быть расширено в связи с особенностями ее реализации в речи» [там же, с. 16–17]. Именно на них основаны положения лингвостилистики об участии различных типов лексических значений слова в формировании контекстных значений: «all the meanings fixed by authoritative English and American dictionaries comprise what is called the semantic structure of the word. The meanings that are to be found in speech or writing and which are accidental should not be regarded as components of the semantic structure of the word.

They may be *transitory*, inasmuch as they depend on the context. They are generally called *contextual meanings*» [12, p. 57].

Проблема смысловой неоднозначности слова в контексте активно обсуждается в отечественной семасиологии, где признается, что значение слова фиксирует систему его типовых реализаций (типовых контекстов), но семантика слова в момент использования в речи может по-разному проявить себя – точно выразить требуемый смысл или намеренно продемонстрировать смысловую неоднозначность. Один и тот же смысл, выражаемый некоторым словом, «согласуется с разными смысловыми компонентами слов-соседей, что может быть обусловлено как контекстом, так и природой значения слов, с которыми сочетается данное слово» [3, с. 106]. Указанные особенности связаны с полицентризмом семантической структуры слова, интегрирующей разные по степени абстракции понятийные признаки, среди которых выделяются ядерные и окружающие их разные по значимости коннотативные или прагматические смыслы, зависящие от ситуативных условий актуализации значения слова.

Размышляя о причинах формирования смыслового потенциала у языковых единиц, ученые отмечают нежесткий характер связи между категориально-семантическими признаками значения слова и категориальной структурой понятий, отражающих референты познаваемого мира, а также указывают на особые когнитивно-семантические механизмы, проявляющиеся в момент актуализации значения слова в речи (тексте), в частности, трансформацию, модуляцию, адаптацию, делимитацию (см. работы Е.С. Кубряковой, С.П. Лопушанской, М.В. Никитина, И.М. Кобозевой, В.И. Шаховского и др.).

Учитывая вероятностную природу значения слова, М.В. Никитин [10] предложил отойти от представления о нем как о жестком образовании со стабильным составом и приступить к изучению вопроса о многозначности словесного знака как его естественном и вероятностном свойстве, проявляющемся в соотношении контенционала и экстенционала значения многозначного слова. Аргументируя необходимость смены жесткой парадигмы системности на вероятностную модель зна-

чения слова, М.В. Никитин отметил, что отражение мира в сознании основано на механизмах сравнения и различения, которые управляют отождествлением понятий и самих сущностей мира, «при этом не исключены неясные промежуточные случаи, когда сложно определить, имеем ли мы дело с одним и тем же или различными значениями... У каждого значения они свои» [10, с. 66]. Поддерживая данную точку зрения, скажем, что слова, отражая мир, повторяют смысловую неточность представления о нем в своих значениях. В семантическом плане это проявляется в широких возможностях актуализации значений слов в разных контекстах, что связано с трансформациями, синонимическими и антонимическими заменами, производимыми в момент их манифестации в речи.

Приведенные положения о вероятностном сочетании различных семантических признаков в структуре значения составляют основу теории значения слова в части формирования семантики единиц речи. Многозначность слова рассматривается в большей степени как характеристика языка – синтагматическая нормативность семантики слов, отражающая идеальные условия для снятия многозначности слова в контексте.

В ином ракурсе рассматривает проблему реализации значения многозначного слова Ф.А. Литвин. В его работах описаны мини- и макроконтекстуальные условия актуализации слова в речи (тексте). Автор убедительно доказывает, что слово – это особая смысловая единица, и грани реализации различных оттенков ее значения в речи зависят не только от ближайшего контекста (микроконтекста), но и от тематики текста и жанровой принадлежности в целом (макроконтекста) [4, с. 45]. Заметим, что о случайных и преднамеренных вариантах актуализации значения слова в определенном контексте, который может снимать или поддерживать смысловую однозначность слов в речи (тексте), писал и Р.О. Якобсон, отмечая, что эти характеристики сильно разнятся от жанра к жанру [13, р. 370–371]. Значимой для нашего исследования является критика Ф.А. Литвиным мысли о том, что проблема многозначности слова существует только в системе языка, а в речи она непременно снимается [4, с. 29–

30, 33–34]. Не опровергая общие положения о понятийной системности структуры значения многозначного слова, мы, вслед за указанными учеными, рассматриваем слово как единицу языка, допускающую контекстуальное варьирование в плане выражения и в плане содержания при его актуализации в контексте. Слова реализуют те стороны своего смыслового потенциала, которые существенны для выполнения данным речевым высказыванием той или иной коммуникативной функции (информирования, манипулятивного или эстетико-художественного воздействия), соответственно, разная ориентированность высказывания требует активности разных сторон содержания языкового знака, а также открывает пути для его трансформации. По мнению Ф.А. Литвина, выбор семантического наполнения слова в контексте определяет учет референта: «ориентированность на сообщение, на организацию высказывания представляет иную оценку совокупности тех же языковых единиц в их речевой манифестации и требует включения дополнительных признаков (ориентации на внешние факторы)», которые придают словам значимость «по выражению» [4, с. 39]. Приведенные мнения уточняют положения теории актуализации значения слова в плане значимости учета информативного потенциала слова при его реализации в различных контекстуальных условиях.

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода мы предлагаем рассматривать процесс актуализации слова как семантическую трансформацию его значения в контексте, основанную на механизме семантической модуляции значения слова, обоснованном в трудах С.П. Лопушанской [5–8]. Основные положения данного подхода сводятся к следующему.

1) Восприятие мира человеком является смысловой доминантой языкового сознания, и ее изменение закономерно сопряжено с изменениями структуры речемыслительной деятельности. Если исходить из того, что смысловой доминантой языкового сознания является «воспроизводимое в процессе коммуникации восприятие человеком окружающего мира, отношение мыслящей личности к явлениям материальной и духовной жизни общества, представление субъекта о самом себе, о сво-

ем месте во Вселенной» [6, с. 6–7], то изменения названной доминанты могут стать продуктивными только тогда, когда они базируются на комплексном «миропонимании изучаемой эпохи» (В.В. Виноградов) и мыслящей личности, чье миропонимание в процессе речемыслительной деятельности находит опосредованное отражение в языке, в частности, в семантической структуре слова.

2) Под семантической структурой слова понимается «единство взаимодействующих разноуровневых значений, организованных в пределах отдельного слова определенным способом в соответствии с системой данного языка и с закономерностями функционирования этой системы в речи (в тексте)» [5, с. 5]. При этом предлагается разграничивать семантическую структуру слова, сложившуюся в системе языка, и смысловую структуру словоформы, функционирующей в контексте. Изучение характера смыслового совпадения и расхождения значения лексической единицы, фиксируемого в системе языка и в тексте, отражает содержание и направленность речемыслительного процесса.

3) Механизм отбора и использования в речевой деятельности (в тексте) детерминированных элементов, выработанных в течение многих веков носителями данного языка на основе разнообразных возможных вариантов, определяет речемыслительный процесс, который в рамках научной доминанты «язык мыслящей личности» предлагается именовать как семантическую модуляцию – «универсальный речемыслительный процесс, объединяющий разноуровневые средства данного языка в ряды речевых соответствий для реализации семантико-смысловой соотношенности компонентов содержательной структуры слов, словоформ, морфем; словосочетаний, предложений, текста» [6, с. 8].

4) *Семантическая модуляция* обозначает процесс перегруппировки разноуровневых признаков в семантической структуре слова при сохранении лексической категориальной семы, что отличает его от *семантической деривации*, под которой традиционно понимаются семантические словообразовательные изменения, приводящие к появлению новой лексической единицы, реализующей новую категориальную сему [5, с. 15; 6, с. 6–13].

Семантическая модуляция отличается от семантической деривации тем, что она не затрагивает ядерных признаков, объединяющих слова в функционально-семантическое поле, не выводит слово за рамки исходной лексико-семантической группы, устанавливая синонимические отношения в пределах этой ЛСГ на основе какой-либо семы, изменившей свой статус. Порогом для семантической модуляции можно считать семантические изменения, при которых категориальная лексическая сема реализуется хотя бы в одном дифференциальном признаке функционирующей словоформы [7, с. 153–154].

Приведенные положения теории семантической модуляции позволяют определить процедуру когнитивно-дискурсивного анализа, основанную на изучении смыслового потенциала слова в микро- и макроконтестах различной типовой отнесенности, и представить результаты интерпретации значения слова в нестандартных контекстах ироничной антиутопии, цель которой – создание эффекта тонкой насмешки над фактуальной информацией, составляющей основу его содержания. Достижение указанной цели требует включения в эмоционально нейтральный контекст ключевых слов, буквальное значение которых противоречат глубинному смыслу макроконтеста. Под воздействием механизма семантической модуляции (перегруппировка отдельных категориально-семантических признаков) происходит переосмысление буквального значения, что и становится стилистическим знаком ироничной тональности.

Активное обращение к жанру антиутопии объясняется кризисными процессами в социальной жизни общества в XX–XXI вв., требующими переосмысления известных философско-утопических представлений о справедливом институциональном и социальном устройстве государства. Если целью классической утопии является мечта о позитивных векторах развития общества, то авторы современных художественных антиутопий, следуя традициям Джонатана Свифта, предлагают личностные интерпретации, критикующие в форме художественного вымысла социальные и морально-этические аспекты современного социального устройства мира. Отметим, что произведения указанного жанра час-

то отличаются политическим подтекстом, о чем свидетельствует явное или имплицитное противостояние серьезно-информативной и иронично-сатирической тональностей при описании в тексте антиутопии негативных тенденций или неприятных социальных последствий в случае гипотетического отклонения общества от заявляемых моделей «правильного социального устройства». В данной статье рассматриваются модуляционно-семантические трансформации окказиональных значений слов, способствующие созданию ироничного контекста в романе-антиутопии Владимира Войновича «Москва 2042», написанном в 1986 году.

Ироничный контекст создается в романе с помощью контаминации внешне безоценочного семантического потенциала языковых средств, описывающих устройство обновленного общества, идиологем, пропагандирующих новации в социальном устройстве, использование которых задает серьезную информативную тональность содержания всего текста, и ироничного переосмысления лексического значения ряда единиц, связанного с временным приобретением ими в макроконтексте оценочных смыслов, намекающих на извлечение глубинного смысла – сатирической оценки представленного в тексте вымысла о республике, построенной в отдельно взятом городе (сокращенно «МОСКОРЕП»). Это «коммунистическая сердцевина, которая стала могущим и вдохновляющим примером для всех народов, еще пока этой стадии не достигших» (В, с. 122). Автор предлагает придуманную им демагогическую идеологию, «революционно разъясняющую суть теории Гениалиссимуса», избранного в качестве главы новой республики: «Проанализировав эти попытки и революционно развивая теорию, будущий Гениалиссимус уже тогда пришел к единственно правильному выводу, что корень неудач заключается в том, что прежние строители, руководствуясь вульгаризаторскими идеями, проявляли поспешность, не учитывали ни масштабов страны, ни неблагоприятных погодных условий, ни отсталости значительной части многонационального народонаселения» (там же, с. 121). Отметим, что на поверхностном уровне текста выявляется значительное число идеологем и близких к ним иде-

ологических клише с десемантизированным содержанием, характерных для речи политиков-демагогов (см.: [11]). Они построены на иррациональности, намеренных смысловых искажениях, преследующих манипулятивные цели, которые значительно снижают убедительность и правдивость высказываний.

Дальнейшее описание приключений писателя Виталия Никитича Карцева в созданном автором вымышленном будущем – в Москве 2042 г., где возможно «мирное сосуществование двух общественных систем в пределах одного государства» (В, с. 121), выполняет значимую смысловую функцию: с помощью описания деталей нового социального бытия и введения значительного числа единиц «новояза» (в частности, слоговых аббревиатур, напр., *компис* (*коммунистический писатель*), *комсор* (*коммунистический соратник*), *прекомпит* (*предприятие коммунистического питания*), *предкомоб* (*предприятие коммунистического обучения*) и т. п.) имплицитно указать, что смена руководящей верхушки привела лишь к глубокому социальному расслоению общества. К такому выводу читатель неминуемо придет, если, следуя за писателем Карцевым, сопоставит язык «комунян» с «предварительным языком», осмыслит комментарии личной переводчицы Искрины Романовны, генерала-лейтенанта литературной службы Коммуния Ивановича Смерчева (*Главкомписа республики*), других членов «юбилейного пятиугольника» (Сиромахина Дзержина Гавриловича, Коровяк Пропаганды Парамоновны, Отца Звездония) (там же, с. 113). Побывав вместе с писателем за пределами Бульварного кольца (*общества повышенных потребностей*) и Садового кольца (*общества общих потребностей*) в районах Московской кольцевой дороги (*общества самообеспечиваемых потребностей*), иронично осмыслив суть обновленных идеологических постулатов (о коммунизме, религии, питании, здоровье, личной и семейной жизни) и таких лозунгов, как «Наслаждение жизнью есть основная и единственная обязанность каждого комунянина», «Составные нашего пятиединства: народность, партийность, религиозность, бдительность и госбезопасность», «Кто сдает продукт вторичный, тот снабжается отлично» и другие, читатель начинает

интерпретировать как демагогические высказывания членов Пятиугольника «*у нас построено бесстроевое и бесклассовое коммунистическое общество*» (В, с. 115). Иронично воспринимается и озвученный Смерчевым постулат о полном удовлетворении потребностей комунян, поскольку посыл о внешней свободе опровергается патерналистски окрашенным объяснением о том, что сам человек не подготовлен и не может определить свои потребности. Для этого в Москорепе существуют Пятиугольники, которые определяют потребности каждого по таким критериям, как индивидуальные физические и моральные особенности, вес, рост, идейные взгляды, отношение к труду, степень участия в общественной жизни. Смерчев приводит и характеристики идеального человека – это человек, «который хорошо трудится, выполняет производственные задания, ведет общественную работу, прилежно изучает труды Гениалиссимуса», у такого человека «потребности гораздо выше, чем у какого-нибудь лентяя или нарушителя общественной дисциплины» (В, с. 139).

Строгий информативно-протокольный стиль описания жизни в Москорепе, основанный на актуализации слов с идеологически стандартизированными значениями, вступает в противоречие с содержанием общепринятых идей о свободе личности и свидетельствует о том, что мечты о коммунизме по-прежнему остаются утопией. Общество, в котором граждане носят короткие штаны и юбки, стригутся наголо и сдают волосы ради экономии, питаются суррогатами из брюквы и лебеды по талонам, которые получают, если сдают «вторичный продукт», общество, в котором люди, получающие «предварительное обучение», не читают, а «вкратце знакомятся» с затронутыми «предварительными писателями» темами и идейно-художественным содержанием (В, с. 147), а вместо знаний обучаются «следить друг за другом, доносить друг на друга и на родителей воспитателям», составлять письменные доносы на «правильном русско-коммунистическом языке», с большой долей сарказма можно назвать свободным.

Смысловые противоречия поддерживают лексико-стилистические приемы иронии, связанные с переосмыслением значения нескольких ключевых слов, являющихся знака-

ми ироничной тональности. В частности, в контексте антиутопии В. Войновича значения прилагательных *предварительный*, *первичный*, *вторичный*, пройдя семантическую делимитацию, становятся терминологическими определениями в псевдоидиологемах *предварительный (язык, писатель, продукт)*, *предварительная литература*; *первичные / вторичные потребности*, *вторичный продукт*. Об этом свидетельствуют нестандартные контексты их употребления, в которых семантические признаки ‘побочный’, ‘неосновной’ заменяются на ‘значимый’, ‘идеологически выверенный’. К *предварительной* в Москорепе относят всю художественную литературу, которую в реальном мире считают классикой, всех всемирно известных писателей там называют *предварительными (докоммунистическими)*. Поскольку Гоголь, Лермонтов, Грибоедов, Толстой, Достоевский и другие не пользовались методом «коммунистического реализма», то их произведения не читают, их редактируют, цензурируют, искажая в угоду новой идеологии. Таким образом, в семантике словосочетания *предварительная литература* наблюдается семантическая модуляция, под влиянием признаков ‘предшествующий чему-н. основному, главному’, ‘производимый впредь до чего-н., подготовительный’ меняется высокая оценка качества всей русской литературы.

Не менее иронично воспринимается смысловой перевертыш в оппозиции *первичные : : вторичные (потребности)*. В Москорепе, где количество и качество потребностей зависит от социального статуса и они делятся на государственные и личные, служебные, осветительные, ритуальные, ограниченные, а в столовой (*прекомпите*) «первичный продукт» предоставляется только при предъявлении справки о сдаче «продукта вторичного» (семантическая замена признака ‘побочный’), писатель Карцев постигает философский смысл странного афоризма «Кто сдает продукт вторичный, тот снабжается отлично»: *И что же теперь получается? Не имея вторичного продукта, я не могу получить первичный, а не получая первичный, не могу произвести вторичный... Тут у меня, надо сказать, мелькнула мысль, что, может быть, здешние идеологи правы:*

вторичный продукт первичен, а первичный продукт вторичен (В, с. 324). Примером семантической деривации является квазиидиологема *перезвездиться*, напоминающая по словообразованию обычные лексемы с приставкой *пере-* («повторение, совершение заново, вторично какого-н. действия»), но близкая по значению к глаголу *перекреститься*, о чем свидетельствует описание этого процесса: *Он забормотал как сумасшедший «Никакого бога нет» и стал правой рукой производить какие-то странные движения. Вроде крестился, но как-то по-новому. Всей пятерней он тыкал себя по такой схеме: лоб – левое колено – правое плечо – левое плечо – правое колено – лоб* (В, с. 119). Однако в романе-утопии процесс «звездения» получает еще одно толкование – это замена имен комунян, которые были даны им при рождении, на «звездные имена», они отражают «направление основной деятельности каждого человека» (В, с. 120), в частности, как «реабилитированный предварительный писатель» Карцев получает «чин младшего лейтенанта литературной службы присвоением звездного имени Классик» (В, с. 126).

Как показал материал исследования, в текстовых фрагментах традиционные значения слов могут приобрести нестандартную референтную отнесенность, что приводит к смысловым приращениям, расширяющим или уточняющим семантическую валентность слов. При актуализации слова в контексте жанра антиутопии, с одной стороны, оно соотносится с первичными референциальными признаками, зафиксированными в системе языка, с другой – реализует эстетико-художественную функцию представления смысловых отклонений, основанных на трансформациях категориальных признаков в содержании словесных знаков. Благодаря противоречивости и нелогичности в контексте жанра антиутопии они воспринимаются как сигналы ироничного подтекста.

Итак, стилистический аспект модуляционно-семантических изменений, сопровождающих актуализацию значений слов в художественном тексте, проявляется в семантической адаптации, делимитации и трансформации отдельных сем в микро- и макроконтесте, что связано с различиями в характере пере-

группировки общих категориальных и / или дифференциальных признаков в значении слов. Указанные изменения отражают когнитивно-семантические процессы, нацеленные на выражение скрытого смысла. В тексте ироничной антиутопии наблюдается одновременная актуализация буквального значения, создающего фактуальную основу содержания текста, и его антипода – имплицитного смысла, противоречащего буквальному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин, И. Р. Избранные труды / И. Р. Гальперин. – М. : Высш. шк., 2005. – 255 с.
2. Звегинцев, В. А. Семасиология / В. А. Звегинцев. – М. : МГУ, 1957. – 322 с.
3. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография / Л. П. Крысин. – М. : Изд. центр «Академия», 2007. – 240 с.
4. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 120 с.
5. Лопушанская, С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении). – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1988. – С. 5–19.
6. Лопушанская, С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс / С. П. Лопушанская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. – Вып. 1. – 1996. – С. 6–13.
7. Лопушанская, С. П. Семантическая VS смысловая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / С. П. Лопушанская // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ, г. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. : сб. докл. В 2 т. Т. 1. Пленарные заседания. – СПб. : Политехника, 2003. – С. 150–159.
8. Лопушанская, С. П. Смысловая доминанта древнего славянского текста / С. П. Лопушанская // Развитие и функционирование древнерусского глагола. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1990. – С. 87–94.
9. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – М. : Изд-во АН СССР, 1978. – 387 с.
10. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1988. – 168 с.

11. Панченко, Н. Н. Коммуникативный типаж «демагог» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2008. – № 5 (29) – С. 56–60.

12. Galperin, I. R. Stylistics / I. R. Galperin. – М. : Higher School Publishing House, 1971. – 343 p.

13. Jakobson, R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // Style in Language. – N. Y., 1960. – 419 p.

ИСТОЧНИКИ

В – Войнович, В. Москва 2042 / В. Войнович. – М. : Эксмо, 2006. – 384 с.

**STYLISTIC ASPECT OF SEMANTIC MODULATION
OF THE WORD MEANING IN IRONICAL CONTEXT**

Цынова Елена Юрьевна

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of English Philology,
Volgograd State University
ilynov@vistcom.ru, english_philology@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. Stylistic effect of semantic modulation in the word meanings in the context of ironical anti-Utopia is under study. Ironic interpretation of the key words' meaning is viewed as markers of artistic implications. Adaptation, delimitation, transformation are presented as subtypes of semantic modulation of the contextual word meaning.

Key words: actualization, irony, implication, semantic modulation, semantic derivation, anti-Utopia.